

УДК 398.332.1
DOI 10.17223/18137083/58/2

С. А. Мясникова

Омский государственный педагогический университет

**«Волочebнички волочились...» –
волочebные песни белорусских переселенцев
Омского Прииртышья**

Рассмотрены материалы Омского Прииртышья по волочebному обряду и песням. В качестве основных источников выступают фольклорные архивы города, опубликованные и неопубликованные этнографические записи из личных архивов исследователей. Определяется степень распространения обряда на территории региона, а также степень его сохранности в пассивной памяти исполнителей. Анализируются узловые моменты волочebного обхода дворов: состав волочebников, наличие «чинов», время и день хождения, взаимоотношения с хозяевами дома. Автор поднимает вопросы классификации и систематизации волочebных песен, представляет мини-указатель сюжетов волочebных песен. Статья содержит краткую характеристику прииртышских текстов, наибольшее внимание уделено песням, содержащим перечисление святых и/или годовых праздников. Предпринимаются первые попытки сравнительно-сопоставительного анализа омских материалов с исконной традицией.

Ключевые слова: волочebные песни, волочebный обряд, белорусы, Омское Прииртышье, классификация и систематизация текстов.

Традиционная культура белорусов в условиях локального бытования на территории полиэтничного омского региона представлена в различных модификациях. Однородный или смешанный состав населения того или иного района области «определил различия в функционировании белорусской культуры: то консервацию национальных традиций в иноязычном окружении, то их соприкосновение или активное взаимодействие с культурой других народов» [Леонова, 2014, с. 183].

Волочebный обход дворов на Пасху – один из немногих маркеров именно белорусской переселенческой традиции Омского Прииртышья, проявляющийся в условиях консервации локальной традиции. Хотя нужно признать, что целенаправленной записи волочebных песен по специальной программе, охватывающей

Мясникова Софья Анатольевна – аспирант кафедры литературы и культурологии филологического факультета Омского государственного педагогического университета (ул. Тухачевского, 14, Омск, 644048, Россия; zenya_inbox@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 1
© С. А. Мясникова, 2017

все группы переселенцев, не предпринималось. (В западной части страны волочечные песни бытовали также у русского и украинского населения, проживающего на границе с белорусскими землями. Это Смоленская, Псковская области, некоторые районы Калужской, Орловской и Черниговской областей [Валачобныя песні, 1980, с. 9].)

В Прииртышье волочечный обряд с песнями был записан от переселенцев Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Виленской губерний в Седелниковском, Знаменском, Тарском, Тевризском, Тюкалинском, Колосовском, Муромцевском районах. Большая часть зафиксированных текстов хранится в фольклорном архиве Омского государственного педагогического университета (ФА ОмГПУ), в областном фонде фольклорно-этнографических материалов при Государственном центре народного творчества (ОФ ФЭМ ГЦНТ), в личных архивах исследователей традиционной культуры Омского Прииртышья.

По словам информаторов, волочечный обряд являлся необходимым компонентом пасхального праздника среди белорусского населения (примечательно, что сами омские белорусы далеко не всегда называют обряд именно волочечным, а исполняющих песни – волочечниками). По своей структуре волочечные песни очень схожи с колядками. Главная функция и тех и других – пожелания достатка, богатства, по жанру это, как правило, величальные песни, адресованные хозяину дома и его семье. Одна из исполнительниц перед тем, как спеть волочечную песню, сказала: *Я спую вам колядку, которую пели старухи вечером, в первый день Пасхи* (ФА ОмГПУ, ЭК-17/92, № 9). А некоторые информаторы, отвечая на вопросы по колядкам, сами начинают рассказывать о волочечных обходах дворов. Однако волочечный обряд не знает ряженых и масок, да и контекст исполнения колядок и волочечных песен разный.

Белорусские ученые, обратившись к этой проблеме, пришли к следующему выводу: «Функциональная близость волочечных и колядных песен – результат длительного исторического развития обрядового фольклора, первых архаичных явлений и обычаев. Все дело в том, что и волочечные, и колядные песни связаны с празднованием Нового года, только по разным календарным системам» (перевод наш. – С. М.) [Валачобныя песні, 1980, с. 6].

Этот вопрос довольно сложный, требует отдельного исследования. В рамках статьи мы коснемся его еще раз при анализе текстов волочечных песен.

Хранящиеся в архивах материалы не позволяют делать какие бы то ни было выводы о специфике бытования волочечного обряда на территории Омского Прииртышья, поскольку текстов зафиксировано немного (около 40), и они часто фрагментарны. Мы можем дать характеристику только самих архивных материалов, представив результаты анализа в нескольких обобщенных тезисах.

1. Волочечный обход дворов осуществлялся в течение одного дня – Пасхального воскресенья, с раннего утра до позднего вечера, иногда захватывая ночь на понедельник. Волочечные песни исполнялись под окнами, однако при отсутствии волочечников песни могли петь обычные люди во время пасхального застолья: *Просто за столом. Когда уже соберутся на пасху разговляться за столом, тогда яе поют* (ФА ОмГПУ, ЭК-8/96, № 22).

2. Бытовали разнородные группы волочечников. В исконной традиции волочечниками ходили взрослые мужчины и молодые парни, иногда к ним присоединялись их жены. Молодые девушки и дети не допускались [Валачобныя песні, 1980, с. 10]. На территории Омского Прииртышья сведения о составах волочечников разнятся:

- Волочечниками ходили только мужчины: *Взрослые. Мужчины. Отец мой ходил даже волочечником у другую дядеуню* (ФА ОмГПУ, ЭК-3/96, № 30);
- Собирался смешанный коллектив мужчин и женщин: *Это мужики и бабы ходили под окошками* (ФА ОмГПУ, ЭК-47/85, № 10);

- Ходили и взрослые, и дети. Возрастные ограничения действовали только при исполнении песен: величания пели старые люди, а песни с требованием угощения – дети. ...*пели старухи вечером, в первый день Пасхи. <...> А парнишки [в конце] кричат: «Не даси коко – вырвет око, не даси яечко – сдохнет овечка!»* (ФА ОмГПУ, ЭК-17/92, № 9);

- В волочевных обходах участвовали только молодые девушки и дети: ...*ходили такие вот уже... [Девушки?] – Ну. А вот нынче так ребятишки ходили, больших как-то не видно было* (ФА ОмГПУ, ЭК-5/96, № 40).

Последние записи скорее свидетельствуют не о бытовании некой «детской» или «девичьей» волочевной традиции, а о разрушении исконной традиции. Волочевный обход дворов, как и любой другой календарный обряд, утрачивает свои глубинные мифологические смыслы, ритуальную символику и становится детской забавой, сохраняя наиболее интересный для детей момент – получение угощения.

Наличие музыкантов среди волочевников было обязательным условием. Играли на скрипках, цимбалах, гармошке.

3. Наличие волочевных «чинов». От минских переселенцев в Прииртышье зафиксировано разделение волочевников на «чины» – «начинальник» (запевала) и «подхопники» (подпевалы): *Под вечер идут волочевники с подхопниками, т. е., с подпевалами, и поют под окна. Начинает начинальник...* [Новоселова, 1977, с. 42]. Переселенцы из других губерний не дают названия «чинов», но отмечают наличие запевалы и подхватывающих: *Одни запевают, и ентые подхватывают и – хором!* (ФА ОмГПУ, ЭК-8/96, № 22).

4. Одаривание волочевников. Прииртышские материалы свидетельствуют о том, что в большинстве случаев волочевников ждали и готовились к их приходу. Как правило, их одаривали салом, яйцами, вином, пирогами, колбасой, сыром. После исполнения величаний волочевников могли пригласить в дом за стол: *Ну, а потом приглашают в хату. Если в хату приглашают, то вина каждому дают вытить помаленьку. А если к окошку позвала хозяйка, тогда она даст яички, сало или даже деньги. А потом уже заходят. Или яичницу нажарят, или просто яички едят. Затем вино пьют* (ФА ОмГПУ, ЭК-1/80, № 12). После обхода дворов волочевники разбирали угощения и гуляли по деревне.

5. Разновременное исполнение волочевных песен. В ряде районов Белоруссии волочевные ритуалы играли не только в день Пасхи, но и на праздник святого Егория Вешнего [Валачобныя песні, 1980, с. 11]. Это были исключительно женские празднества («валачобніцтва жанчын ў дзень веснявога Юр'я») со своими обрядами и символикой. В предыдущей работе, посвященной характеристике архивных материалов ОмГПУ по пасхальному обходу дворов, мы уже отмечали, что в Омской области сведения о подобных «женских волочевных обходах» нам не встретились [Мясникова, 2016, с. 123]. Однако жительница с. Атирка Тарского района Любовь Венедиктовна Юдова, 1933 года рожд., исполняя волочевную песню, использовала не наиболее распространенный на территории Прииртышья рефрен *Христос воскрес, сын божий!*, а редко встречающийся *Люм, ти-ли-ли-ли-ли, ли-ли-ли-ля*. На вопрос о времени исполнения этой песни женщина ответила: *А не знаю. Мама ее и зимой пела, и пела как бы перед Паской, но не сразу... если уже в Паску, то это уже не «люм, ти-ли-ли», а «Христос воскрес, сын божий»* (ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Т-6, № 8). Подобный комментарий к песне дала исполнительница из п. Тевриз Анна Герасимовна Петухова, 1905 года рожд.: *Если пели в коляду, то после каждой строчки повторяли «Зелен явар кудрявый», а если пели на Паску, то повторяли: «Воскрес Христос, сын божий»* (ФА ОмГПУ, ЭК-2/83, № 86). Смена рефрена расширяла область применения волочевных песен, предоставляя возможность исполнения их в иное время года при иных об-

стоятельствах. Здесь нужно добавить, что в Прииртышье также был зафиксирован рефрен *Зялёна ёлка, зялёна* (ФА ОмГПУ, ЭК-30/80, № 298).

Одним из слабо разработанных на сегодняшний день является вопрос классификации и систематизации волоческих песен, записанных в Омской области. Рассмотрим несколько вариантов классификаций, встречающихся в публикациях.

Составители белорусского сборника волоческих песен классифицировали имеющийся у них этнографический материал по функционально-тематическому принципу, конкретно – по адресату. Получилось четыре раздела: «Гаспадару і гаспадыні», «Дзяўчыне» (незамужняя взрослая дочь хозяина), «Хлопцу» (незамужний взрослый сын хозяина), «Бабцы». В каждом разделе исследователи выделяют свою систему образов, сюжетов, поэтических воплощений [Валачобныя песні, 1980, с. 14].

Л. В. Новоселова в статье «Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный цикл)» пишет, что «в сибирских условиях не сохранилась традиция дифференцированного исполнения волоческих песен – “хозяйину”, “дочери хозяина”, “неженатому паничу, сыну хозяина”, “для старой жанчины”» [Новоселова, 1977, с. 42–43]. Мы не можем согласиться с этим утверждением, поскольку имеющийся на сегодняшний день фольклорный материал в большинстве своем довольно легко классифицируется именно по адресному функционально-тематическому признаку, предложенному белорусскими учеными. И даже сами информаторы в некоторых случаях указывают, кому пели ту или иную песню:

Деуке пяют. Деуку посадють. Сами под окном стоят волочѣбники, а деука у хате, а малыцы пяють ей: «Красна девка / Устань рано / Мыйся бело / Прибярися / Причаишся. <...>».

[И все? А вот там еще зажинаеть]

Тоды пяют хозяйину: «Здравствуй, хозяин с хозяйшкой! – Все дома?» Хозяину пяют: «Родил в поле // Все в городе // В черном хлеве // Всей сямейке...» (ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-6, № 16).

Применив белорусскую классификацию к прииртышским текстам, получаем следующую картину:

1. Раздел «Гаспадару і гаспадыні».

ФА ОмГПУ, ЭК-10/73, № 26, 50; ЭК-30/88, № 48; ЭК-17/92, № 9; ЭК-47/85, № 10; ЭК-30/80, № 297; ЭК-3/96, № 29, 30; ЭК-2/96, № 53; ЭК-1/80, № 11; ЭК-2/76, № 246; ЭК-3/76, № 37.

Сидорская, 2006, с. 127–131.

ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-5, № 6; С Ом/Т-4, № 2; С Ом/Сд-6, № 16; С Ом/Т-6, № 8.

Авсень-коляда, № 26, 27, 28, 29.

Мясникова, зап. в Муромцевском р-не.

2. Раздел «Дзяўчыне».

ФА ОмГПУ, ЭК-2/73, № 103; ЭК-20/80, № 2; ЭК-30/80, № 298; ЭК-2/83, № 86.

ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-3, № 5; С Ом/Сд-6, № 16.

Сидорская, 2006, с. 129–131, 182–183.

Авсень-коляда, № 30.

3. Раздел «Хлопцу».

ФА ОмГПУ, ЭК-8/96, № 21.

4. Раздел «Бабцы».

ФА ОмГПУ, ЭК-7/73, № 88.

Бековец, 2012, с. 219.

ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-4, № 11.

Как видно, наибольшее количество омских текстов относится к разделу «Гаспадару і гаспадыні», наименьшее – к разделу «Хлопцы». Требуется специальной

оговорки раздел «Бабцы», к которому прииртышские записи относятся лишь условно, поскольку не имеют ярко выраженного сюжета и развитого диалога между бабкой и волочебниками, характерного для белорусских записей, а ограничиваются сообщением о приходе гостей к бабке «посушиться».

Следующий принцип систематизации выстраивается по характеру содержания. По пути выделения сюжетов пошла Т. Г. Леонова, предложив четыре сюжета волочебных песен:

- *Идем-бредем вдоль улицы...* Во дворе дома, к которому подошли, святые всех праздников, каждый делает свое дело: Егор «ржу пускает», Микола «яр засекает», Илья «жито дожинает» и т. п.;
- *Под оконце иду...* Во дворе дома прибыль: *Да сорок коров отелилося / Да сорок назначилося*;
- *Под оконце иду... / А когда ты не спишь, / Гукай со мною*;
- Славление Христа и требование с угрозами угощения [Леонова, 2014, с. 192].

Мы предлагаем сделать иную систематизацию прииртышских текстов, выделив сюжеты (законченное повествование, имеющее завязку и развязку) и содержательные элементы (устойчивые текстовые единицы, кочующие из одного текста в другой в разных контаминациях).

Сюжеты

1. «Девушка выбирает суженого» (или «Девушка и рыболовы»).

1.1. На море, на камушке сидит. Роняет в море перстень. Встречает трех рыболовов. Просит закинуть невод и выловить перстень. Первому – перстень, второму – невод, третьему – сама молодница.

ФА ОмГПУ, ЭК-2/73, № 103; ЭК-30/80, № 298¹.

1.2. Девушка (рано встает) гуляет в саду (собирает перья), свивает веночек. Налетают ветры, уносят веночек. Последовательно просит отца и мать пойти и найти веночек. Они не находят. Пошла искать сама. Встречает трех рыболовов. Спрашивает о венке. Один отвечает: «Не видел», второй: «Не слышал», третий: «В руках держу». Первый будет другом, второй – братом, третий – суженым.

ФА ОмГПУ, ЭК-20/80, № 2.

2. «Девушка и молодцы (волочебники)». Девка пасет коней. Засыпает. Просыпается – коней нет. Идет дорогой, встречает трех молодцов (волочебников). Спрашивает их, где искать коней. Волочебники отвечают, что знают, где ее кони, но не скажут, пока она не отгадает семь загадок. Девушка отгадывает все загадки, молодцы хвалят ее и указывают дорогу. Девушка находит коней. (встретился более полный текст).

ФА ОмГПУ, ЭК-2/83, № 86.

ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-3, № 5 (редуцирован).

Авсень-коляда, № 30 (разрушена концовка).

3. «Парень выбирает невесту». Сад-виноград, гуляют девки. Приезжает молодец на коне (золотая сбруя). Всем дал *парочки* (что-то из одежды в подарок), себе выбрал одну из девушек.

ФА ОмГПУ, ЭК-8/96, № 21.

¹ Текст, на который дана вторая ссылка, в омской записи отрывочен. Собственно сам сюжет в тексте не показан. Тем не менее мы относим его именно к *сюжетам* на основании имеющегося белорусского аналога [Валачобныя песні, 1980, с. 268–270].

Содержательные элементы

1. Волочebники (волочebные люди добрыя) волочились, помочились (обмочились).
ФА ОмГПУ, ЭК-7/73, № 88; ЭК-10/73, № 50; ЭК-30/88, № 48.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-3, № 5; С Ом/Сд-4, № 11; С Ом/Сд-5, № 6.
Бековец, 2012, с. 219.
Авсень-коляда, № 26, 27, 29.
2. Волочebники зашли к бабке, посушились.
ФА ОмГПУ, ЭК-7/73, № 88; ЭК-30/88, № 48.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-4, № 11.
Бековец, 2012, с. 219.
3. Волочebники отзываются о себе уничижительно: ...*Осла армяшка, и та таяжка, / Завяжу платок, и тот короток...*
ФА ОмГПУ, ЭК-10/73, № 50.
4. Величание хозяев (создание идеализированного образа).
 - 4.1. У пана-господаря боты турецкой работы, на голове шапка соболя.
ФА ОмГПУ, ЭК-17/92, № 9.
 - 4.2. Описание двора: *Твой дварочек, как веночек, / Стоят шумы дубовья, / Воротичка тясовые...* Двор хозяина называется «дворцом».
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Т-4, № 2.
ФА ОмГПУ, ЭК-47/85, № 10.
Авсень-коляда, № 26.
5. Пожелание хозяевам благополучия, урожая, здоровья, богатства и т. п.:
А желаем, желаем тебе, Пан-господин, / Полный хлевец белых овец! / Во двор – сто девять коров! / Оставайтесь здоровы, хозяин с хозяйшкой!
ФА ОмГПУ, ЭК-17/92, № 9.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-6, № 16.
6. Призыв мостить кладку и пустить в хатку.
ФА ОмГПУ, ЭК-1/80, № 12; ЭК-30/80, № 297; ЭК-2/96, № 53; ЭК-3/96, № 30; ЭК-5/96, № 40; ЭК-8/96, № 23.
Авсень-коляда, № 26.
Сидорская, 2006 с. 129–131, 182–183.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-6, № 16.
7. Призыв волочebников одарить или угостить их.
 - 7.1. *Пол-литра на стол да гостиков за стол, / Парочку яец, колбасы конец...*
ФА ОмГПУ, ЭК-30/80, № 297.
 - 7.2. *Кварту горелки да сыр на тарелке.*
ФА ОмГПУ, ЭК-47/85, № 10; ЭК-17/92, № 9; ЭК-3/96, № 30.
 - 7.3. *Сыр на тарелке, / Бутылка горелки, / Калу яиц²...*
ФА ОмГПУ, ЭК-2/96, № 53.
 - 7.4. *Сыр на тарелку, / Яйцы в смятку...*
ФА ОмГПУ, ЭК-5/96, № 40.
 - 7.5. *Сыр на тарэлку, / Чарку горэлки...*
ФА ОмГПУ, ЭК-8/96, № 23.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-6, № 16.
8. Угроза хозяевам в случае отказа одарить волочebников: *Не даси коко – вырвет око, не даси яечко – сдохнет овечка!; Не даси вина – облупишь коня!*
ФА ОмГПУ, ЭК-17/92, № 9; ЭК-7/73, № 88.
Авсень-коляда, № 27, 28, 29.

² Кала яиц – 60 шт.

9. Призыв к хозяину (хозяйке, девушке) рано встать, бело умыться.
ФА ОмГПУ, ЭК-30/80, № 297.
- 9.1. То же + церковь (хату) прибирает (бело-белит).
ФА ОмГПУ, ЭК-10/73, № 26.
- 9.2. То же + нарядись + приедут сваты сватать.
Сидорская, 2006, с. 129–131.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-6, № 16.
10. Обращение к хозяину с вопросом: спит – не спит? Если не спит – встать, умыться.
ФА ОмГПУ, ЭК-1/80, № 12; ЭК-2/96, № 53.
- 10.1. То же + умыться и «гукай со мною».
ФА ОмГПУ, ЭК-2/76, № 246.
- 10.2. То же + «гукай со мной» + пришел святой праздник (святой величка).
ФА ОмГПУ, ЭК-3/76, № 37.
11. Призыв к хозяевам встать, посмотреть во двор (или в «хлевок») – появилась «приява»: сорок коров отелилось, еще сорок назначилось.
ФА ОмГПУ, ЭК-2/76, № 246; ЭК-47/85, № 10.
- 11.1. Призыв встать, войти в хлев (гумно, на двор), посмотреть – там прибавление скотины: сорок коров отелилось, двадцать кобыл ожеребилось.
ФА ОмГПУ, ЭК-1/80, № 12.
- 11.2. Сообщение о приплоде: восемь коров отелилось – все телушечки.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Сд-5, № 6.
12. Призыв встать, посмотреть во двор (гумно) – там стоит престол + за ним – Бог (Христос). Около бога все праздники.
ФА ОмГПУ, ЭК-3/96, № 29.
- 12.1. То же + за ним Бог + пчелки-ангелы летают, почитают, богатство наживают.
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Т-4, № 2.
- 12.2. Во дворце престол стоит + сам господь сидит + книжечку держит и читает, прочитавши, рассылает, кому наперед ступить.
Авсень-коляда, № 26.
13. Перечисление праздников и святых (в их последовательности и с функциями).
ФА ОмГПУ, ЭК-3/96, № 29; ЭК-1/80, № 12 (разрушено).
ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Т-6, № 8; С Ом/Сд-6, № 16.
Сидорская, 2006, с. 129–131, 182–183.
Мясникова, зап. в Муромцевском р-не.

Обратимся теперь к характеристике волочебных песен.

Помимо текстов с традиционным величально-поздравительным обращением к хозяйке и хозяину дома и использованием характерных для этого жанра эпитетов и пожеланий, к разделу «Гаспадару і гаспадыні» белорусские исследователи относят песни, в которых хронологически перечисляются годовые праздники и/или святые [Валачобныя песні, 1980, с. 16].

Подобные тексты представляют для исследователей немалый интерес. С. М. Толстая в статье «Магия годового круга» отмечает, что «содержащиеся в волочебных песнях перечни святых-праздников заслуживают внимания, по крайней мере, в трех отношениях»: 1) в них представлен разный состав местнотимых праздников; 2) одни и те же праздники фигурируют под разными местными названиями; 3) тексты различаются порядком следования праздников, отражающим ориентацию на рождественское (зимнее) или мартовское (весеннее) начало года [Толстая, 2006, с. 2]. Попробуем разобраться со структурными особенностями омских текстов, опираясь на положения, предложенные С. М. Толстой.

Необходимо сразу отметить, что омские волочебные песни являются неполными. Об этом свидетельствует отсутствие в перечне тех или иных праздников. В одном из текстов упоминаются только двое святых – святой Алексей и святой Юрий, которые наделяются обширными обязанностями (возможно, что эти обязанности изначально были распределены между несколькими святыми, но в памяти информатора песня сохранилась в таком варианте) (ФА ОмГПУ, ЭК-1/1980, № 12).

Нам встретилось семь прииртышских волочебных песен, содержащих перечни праздников и святых. В качестве примера приведем четыре наиболее полных текста. Один из них зафиксирован в д. Ларионовка Знаменского района от Марии Павловны Аверьяновой, 1912 года рожд. (родилась в Полоцком уезде Витебской губернии). Данный текст интересен тем, что в нем отражен принцип выстраивания в годовом круге праздников, которые собираются около Бога и решают, кто за кем будет следовать: *Прыстол стоить / За прыстолом / Сам Бог сядить / Каля Бога / Все празднички / Шахуются / Рахуются / Котораму / Пярад стати / Пярад пошло / Свято Рожаство / Посля того / З Новам годом / Посля того / Усе праздники / Свято крещенье / Посля того / Чыстый чэтверг / Посля того / Свята Пасха / Посля того / Свята Проводница / Посля того / Святой Ягорый / Посля того / Святый Никола / Посля того / Вознясье* (ФА ОмГПУ, ЭК-3/1996 № 29).

Второй текст записан в с. Атирка Тарского района от Любви Венедиктовны Юдовой, 1933 года рожд. (родилась в д. Новокнязевка Тарского района. Отец приехал из Гродненской губ., мать – из Виленской губ.): *Святая Евдокинья в утробе / Благовещеня пахать едет / Чыстый чэтверг чистють, мыють / Святой Паски ожидают / Свято Юрья – божи ключник / А на Троицу глядять ходють / Святой Иван косы точить / Свято Петро сено грабло / Свита Илья жита жала / Свита Анна помогала / Святый Олег всей хамут ладить / Святый Покров совсем дамой* (ОФ ФЭМ ГЦНТ, С Ом/Т-6, № 8).

Третий – в д. Соловьевка Седельниковского района от Е. И. Тамуленок, 1909 года рожд. (родители – переселенцы из Виленской губ.), Е. И. Щербицкой, 1915 года рожд. (родители – переселенцы из Виленской губ.): *Все празднички / Свято Рожаство / Свято Кряшенья / Свята Паска / Святый Ягорья / В поле гонють / Святый Никола / В поля едут / Святый Илья / Зажинает / Святый Покров / Покрывает / Пчалу мёдом / Зяблю лёдом* (Сидорская, 2006, с. 182–183).

Четвертый – в д. Игоревка Муромцевского района от Татьяны Леонтьевны Саенковой, 1942 года рожд. (родилась в д. Игоревка. Родители из Белоруссии, д. Лустичи, Могилевская губ.): *А свято Рожаство, ёна от нас пошло / Святая Тройца по полю ходить / По полю ходить и ести просить / Святый Никола погнал у поля / Святая Прачистая все поле очистила / А святый Покров (...) свякровь / А что вьется, между древца? / А хмель вьется между древца / А что бело, не белючи / Лебедь белый не белючи* (Мясникова, зап. в Муромцевском р-не).

Интересно, что в подобных перечнях христианские святые стоят в одном ряду с персонифицированными (одушевленными, олицетворенными) праздниками – *свято Рожаство, Благовещеня, свято Крещенье, свята Пасха, святый Покров*. Праздники наделены трудовыми вспомогательными функциями, которые они выполняют как живые существа (например, *Благовещеня пахать едет*). Существенным разнообразием в названиях праздников омские тексты не отличаются так же, как и в именах святых. Наибольшее количество вариантов связано с именем святого Георгия: *свято Юрья, святой Ягорый, святый Ягор, светло Юрья*.

В отношении порядка перечисления годовых праздников в волочебных песнях прииртышские тексты условно можно разделить на две группы (условность возникает вследствие неполноты и небольшого количества рассматриваемых записей): 1) список начинается с зимних праздников (Рождество, Новый год); 2) с ве-

сенних праздников (Евдокии, Алексея, Юрия). Заканчиваются и та и другая группа осенними праздниками, конкретно – Покровом.

Сейчас трудно сказать, имела ли для исполнителя принципиальное значение ориентация на зимнее или весеннее начало года или он просто по памяти воспроизводил текст. Нам остается только констатировать имеющиеся факты.

Волочebные песни, обращенные к незамужней дочери хозяина, наполнены любовной символикой и связаны с замужеством. Не случайно в качестве помощников девушки выступают рыболовы, по сути являющиеся женихами [Славянские древности, 2009, т. 4, с. 506]. Сам образ девушки говорит о ее готовности к замужеству: на руке у нее перстень или она плетет «перловый венок». Перстень и венок являются символами брака, как и другие свадебные атрибуты, имеющие форму кольца или круга. Перья в обрядовом использовании также встречаются именно на свадьбах [Там же, с. 17]. Девочки в Белоруссии начинали носить венки с 10 лет, но настоящий *вянок* надевали по достижении брачного возраста [Славянские древности, 1995, т. 1, с. 321].

Раздел «Хлопцу» относительно небогат сюжетами. В основном это прославление рыцарской доблести молодого человека и напоминание о его скорой женитьбе. В качестве характеристики главного лица песен используется описание коня, снаряжения, поступков молодца. По жанровой принадлежности это, конечно, величальные песни [Мясникова, 2016, с. 122].

Классифицировать и систематизировать фольклорный материал можно с разных позиций. В рамках данной статьи мы рассмотрели функционально-тематическую классификацию, предложенную белорусскими учеными, и систематизацию текстов по сюжетам. Предложенный нами мини-указатель выполнен на ограниченном количестве текстов. Для составления полного указателя, позволившего бы выяснить историческую жизнь волочebного обряда на территории Омского Прииртышья, необходимо обращение к белорусским материалам и сравнительно-сопоставительная работа с исконной традицией.

Список литературы

Леонова Т. Г. Проблемы изучения регионального фольклора: Моногр. Омск: Амфора, 2014. Ч. 2. 420 с.

Мясникова С. А. Волочebные песни Омской области (характеристика материалов фольклорного архива ОмГПУ) // Народная культура Сибири: Материалы XXIV науч.-практ. семинара регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2016. С. 117–125.

Новоселова Л. В. Весенний период народного календаря в Западной Сибири (пасхальный период) // Сибирский фольклор. Новосибирск, 1977. Вып. 4. С. 25–45.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 689 с.; 2009. Т. 4. 656 с.

Толстая С. М. Магия годового круга // Живая старина. 2006. № 4. С. 2–4.

Валачобныя песні. (Беларуская народная творчасць). Мінск: Навука і тэхніка, 1980. 560 с.

Список источников

Авсень-коляда. Календарно-обрядовый фольклор Омской области [Звукозапись] / Авт. проекта Е. Аркин; звукореж. Е. Шабанов. Омск, 2007.

Бековец И. К. Репертуар Евдокии Алексеевны Морозовой // Народная культура Сибири: Материалы XXI науч.-практ. семинара регионального вузовского центра по фольклору. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2012. С. 216–220.

Мясникова – Личный архив С. А. Мясниковой.
ОФ ФЭМ ГЦНТ – Областной фонд фольклорно-этнографических материалов при Государственном центре народного творчества.

Сидорская О. Г. Календарно-обрядовые песни восточнославянского населения Омского Прииртышья // Русский народный праздник: Науч.-метод. пособие для работников культуры и образования. Омск: Наука, 2006. С. 88–191.

ФА ОмГПУ – Фольклорный архив Омского государственного педагогического университета.

S. A. Myasnikova

Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russian Federation
zenya_inbox@mail.ru

«The valicenti trailed...» – volochine songs of the Omsk Irtysh region Belarusians

The paper deals with the materials of Omsk Irtysh region on volochine ritual and songs. The main sources are the folklore archives of the city, published and unpublished ethnographic recordings from the personal archives of researchers. The distribution degree of the ritual in the region and the degree of its preservation in the passive memory of the performers are determined. The key moments of the volochine walk of the households are analyzed: composition of valicenti, the presence of "ranks", the time and day of walking, the relationship with the owners of the house. The author raises the problems of classification and systematization of volochine songs and presents a mini-index of volochine song subjects. The paper gives a brief characterization of the Irtysh texts. The main attention is paid to the songs, containing an enumeration of the saints and/or annual holidays. The first attempts of a comparative analysis of the Omsk materials with the original tradition are made.

Keywords: volochine songs, volochine ritual, Belarusians, Irtysh region, systematization of the texts.

DOI 10.17223/18137083/58/2

References

Leonova T. G. *Problemy izucheniya regional'nogo fol'klora* [Problems of studying regional folklore]. Omsk, 2014, pt 2, 420 p.

Myasnikova S. A. *Volochebnye pesni Omskoy oblasti (kharakteristika materialov fol'klornogo arkhiva OmGPU)* [Volochine songs of the Omsk Irtysh region (characteristics of folklore archive's materials OmGPU)]. *Folk culture of Siberia*, 2016, pp. 117–125.

Novoselova L. V. *Vesenniy period narodnogo kalendarya v Zapadnoy Sibiri (paskhal'nyy period)* [The spring folk calendar in Western Siberia (Easter period)]. *Siberian folklore*. 1977, iss. 4, pp. 25–45.

Tolstaya S. M. *Magiya godovogo kruga* [The annual magic circle]. *Living antiquity*. 2006, iss. 4, pp. 2–4.

Tolstoy N. I. (Ed.). *Slavyanskije drevnosti. Etnolingvisticheskiy slovar'* [Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya, 1995, vol. 1, 689 p., 2009, vol. 4, 656 p.

Volochine songs (Belarusian folk art). Minsk, Science and technology, 1980.